

RU

Утопия и патернализм в аграрной России: традиции и современность. Часть I: конец XVII в. – 30-е гг. XX в.

Козлов С. А.

Аннотация. Цель исследования – показать взаимосвязь таких социокультурных феноменов, как утопия и патернализм, в истории аграрной России. В статье последовательно раскрываются следующие аспекты исследования: роль патернализма и утопии в сложной структуре хозяйственных и духовных ценностей россиян в дореформенный период (конец XVII в. – первая половина XIX в.); трансформация традиций патернализма в их связи с утопическими представлениями в период после отмены крепостничества и до 30-х гг. XX в. Научная новизна исследования заключается в определении того, как именно проявлялась связь элементов утопии и патернализма в контексте решения ключевых хозяйственных и социокультурных проблем аграрной России. В результате автор показывает, что позитивные моменты, связанные с подъёмом русской национальной культуры в начале XX в., не могли быть по достоинству оценены ни самодержавными властями, ни позже большевистским руководством, и в итоге был упущен реальный шанс на хозяйственный и социокультурный подъём страны. Исследование данной темы будет продолжено в следующей публикации.

EN

Utopia and paternalism in agrarian Russia: Traditions and modernity. Part I: The late 17th century – the 1930s

Kozlov S. A.

Abstract. The aim of the study is to show the relationship of such socio-cultural phenomena as utopia and paternalism in the history of agrarian Russia. The paper consistently provides insight into the following aspects of the study: the role of paternalism and utopia in the complex structure of economic and spiritual values of Russians in the pre-reform period (from the late 17th century to the first half of the 19th century); the transformation of the traditions of paternalism in their connection with utopian ideas in the period after the emancipation reform of 1861 and up to the 1930s. The scientific novelty of the study lies in determining how the connection between the elements of utopia and paternalism manifested itself in the context of solving key economic and socio-cultural problems of agrarian Russia. As a result, the author shows that the positive aspects associated with the rise of Russian national culture in the early 20th century could not be appreciated either by the czarist-era authorities or later by the Bolshevik leadership and eventually a real chance for the economic and socio-cultural rise of the country was missed. The research on this topic will be continued in the next publication.

Введение

В современной научной литературе имеется целый ряд исследований, в которых рассматриваются различные аспекты как утопии (Чаликова, 1994; Пономарева, 1996; Каспэ, 2018; Козлов, 2010; Павлова, 2006; Приказчикова, 2010; Феномен утопии..., 2021; Херрманн-Пилатт, 2018; Хренов, 2015), так и патернализма (Ермоленко, 2000; Козлов, 2010) в контексте исторического и социокультурного развития огромной евразийской России. Между тем крайне редко обращается внимание на *тесную взаимосвязь* этих во многом уникальных социокультурных феноменов. Попробуем отчасти восполнить этот пробел, обратившись к материалам, относящимся к истории аграрной России.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: во-первых, определить роль патернализма и утопии в сложной структуре хозяйственных и духовных ценностей россиян в дореформенный период (конец XVII в. – первая половина XIX в.); во-вторых, рассмотреть трансформацию традиций патернализма в их связи с утопическими представлениями в период после отмены крепостничества и до 30-х гг. XX в.

Обсуждение и результаты

Прежде всего отметим, что характерной особенностью менталитета населения аграрной России (причём как крестьян, так и помещиков) являлось понимание народа не как ныне живущего поколения (характерное для многих современников уже начала XXI в.), а как воплощённой телесно «памяти предков» – череды сменяющих друг друга поколений, объединённых (несмотря на сословные перегородки) общими природно-климатическими и хозяйственно-бытовыми условиями деревенской и усадебной жизни, национальными аграрно-культурными традициями ментальности, труда и быта. «Родословный дух» чётко прослеживается в исторических источниках вплоть до середины XIX в.; после Крестьянской реформы 1861 г. эти традиции заметно ослабли: наступила новая буржуазная эпоха с «культом денег», индивидуализма, усилением буржуазного предпринимательства; распадом как патриархальных обычаев, так и семейных уз.

Вместе с тем традиции патернализма, тесно связанные с утопическими представлениями, сохраняли своё влияние. Чем же обусловлена их исключительная «живучесть»?

На рубеже XVII-XVIII вв. во многом по инициативе Петра I и проведённой под его руководством стремительной «вестернизации» общества в России формируется жёсткая авторитарная система власти с ориентацией на насильственные методы управления в центре и на местах – европейский вариант патронимии. При этом она опиралась не только на методы принуждения, но и на характерные особенности национальной ментальности, включая теснейшую взаимосвязь монархической и мирской традиций в хозяйственной жизни русского крестьянства, его психологии и культурном обиходе. Примечательно, что крепостные крестьяне дореформенной эпохи включали в обобщённое понятие «мы» Бога, царя и свой общинный мир. Они были твёрдо уверены, что обеспечить «порядок» и стабильность (а, главное, сохранить хозяйство) может лишь твёрдая власть в лице как монарха, так и помещиков на местах.

Последние, в свою очередь, также разделяли эти патерналистские установки. К тому же быстрой и адекватной реакции требовали многочисленные преступления, связанные с разбоем и воровством, а также побеги крестьян от помещиков. Не случайно выдающийся помещик-рационализатор, учёный и просветитель А. Т. Болотов, хорошо знавший крестьянскую психологию, отмечал, что побудить сельское население к действию можно не «ласкою», а прежде всего «принудлением», поскольку крестьяне «любят грозу» (т. е. управляющую ими «сильную руку»), а при «малой воле» (малейшем ослаблении владельческого контроля) быстро переходят к «своеволию», анархии, а зачастую и к насилию (Акульшин, 2008, с. 268). Неудивительно, что социальный порядок в массовом сознании крестьянства, как правило, олицетворяли насилие и принуждение, но отнюдь не закон.

Для сельского жителя ценность его повседневного образа жизни, основанного на тяжелейшем труде, а также осознание своей «правоты» в контексте традиционной русской ментальности и православной антропологии – вполне органично заменили такие понятия, как «свобода» и «гражданские права». Именно в этом, на наш взгляд, и проявилась величайшая социокультурная утопия огромной аграрной России: традиционный патернализм ментально, эмоционально и психологически «подпитывал» и уверенность в нынешнем дне, и устойчивые крестьянские надежды на «лучшую жизнь» при условии справедливой и милосердной «барской помощи»: вспомним знаменитое и глубоко трагичное стихотворение Некрасова, глубоко понимавшего народную жизнь (Демченко, 2021b; 2021c), об этой характерной крестьянской установке на решение всех жизненных неурядиц, когда «приедет барин» и «рассудит» всех по справедливости...

Вместе с тем эти во многом утопические патриархальные доминанты духовности, сознания и социального поведения в значительной степени были обусловлены сформировавшимися ещё в Византийской империи христианскими традициями, ставшими одной из основ православной теории всемирного предназначения самодержавного государства (Боханов, 2002, с. 181-207) и, как следствие, иерархичной структуры массового сознания русского крестьянина, отождествлявшего «Божескую», светскую и церковную власть. При этом в массовом сознании российского обывателя именно психологически и эмоционально близкая ему «брутальная» сила государства, его военная и хозяйственная мощь уже начиная с правления великого князя Московского и Владимирского и государя всея Руси Ивана III (с 1462 г. по 1505 г.), как правило, ассоциировались с высоким личностным статусом конкретного верховного правителя. Примечательно, что всех последних царей и императоров самодержавной России официальная литература чётко и вполне аргументированно (применительно к восприятию «мейнстримной» группы населения) на протяжении трёх веков изображала в традиционном панегиристическом стиле в роли покровителей-патерналистов всех без исключения сословий России. Отметим, что народный образ милосердной, мудрой и могущественной «Матушки-Императрицы» Екатерины II фактически совпал с официальной патерналистской трактовкой её образа в оде Г. Р. Державина «Фелица».

С чем были связаны столь устойчивые утопические надежды крестьянства на «сильную руку»? Традиции общинного коллективизма зачастую были едва ли не единственной гарантией физического выживания крестьян и членов их семей, – поэтому становится понятным, отчего они сделали главную ставку на коллективную взаимопомощь общины: именно она обеспечивала стабильность и безопасность. В этой суровой ситуации (усугубляемой многочисленными природно-климатическими аномалиями и, как следствие, неурожаем и голодом) пассионарная энергетика созидательного труда неизбежно уступала место осторожности, выжидательности; подчинению не только стихийным силам природы, но и деспотичной власти монарха и душевладелец, а на уровне крестьянской семьи – хозяина-«большака».

Примечательно, что даже крестьянские бунты зачастую опирались на явно утопические народные представления о «царе-заступнике»; отметим здесь и такой характерный для России феномен, как самозванчество, а также разнообразнейшие элементы утопизма, присущие фольклорным источникам (Чистов, 1967). Вместе с тем сакрализация русских императоров последовательно отвергалась старообрядцами.

Таким образом, во многом архаичные, но действительно-эффективные установки патернализма закономерно превращаются в ключевой элемент широкомасштабного упорядочения и стабилизации огромного хозяйственного и социокультурного пространства и в рамках крестьянской семьи, и в границах локальной общины, и в структуре поместья, и, наконец, в масштабах всего государства. В результате острейшее социокультурное противоречие между прогрессом и стабильностью решилось в России (в отличие от ведущих западноевропейских стран) в пользу «консервативной», «отсталой», однако надёжно-устойчивой стабильности.

В сложной структуре хозяйственных и духовных ценностей россиян именно патернализму и утопии (понимаемой, однако, современниками как вполне достижимая на протяжении ряда поколений реальность) отводилась важнейшая роль.

На наш взгляд, устойчивости утопических мифологем способствовала и дихотомичность, присущая русской национальной ментальности, жидившейся, в свою очередь, на миропонимании, в основе которого – постоянная борьба двух противоположных «начал-первооснов» в природе и социуме. Эти бинарные оппозиции традиционной русской ментальности выступали под разными именами: Жизни – и Смерти, Добра – и Зла, Света – и Тьмы, Светского (Профанного) – и Сакрального, Традиций – и Новаций, Эволюции – и Революции, а в последние годы – также «Нас» (современной России) – и «Их» («суммарных» представителей западной, чаще всего англо-саксонской цивилизации) – в контексте резко обострившегося с 2014 г. глобального геополитического противостояния.

Важную роль играла Утопия и в качестве своеобразного «ментального противовеса» огромной давящей власти Социального Зла.

Вместе с тем аграрный патернализм конца XVII – начала XX в. проявлялся в том, что многие помещики регулярно помогали своим крепостным, проявляя заботу и гуманизм, прежде всего оказывая хозяйственную поддержку в случае неурожая, организуя школы и училища для крестьян. В этом проявились лучшие гуманистические элементы, присущие как русскому дворянству, так и отечественному аграрному патернализму в целом (Козлов, 2010; 2020а, с. 101-114).

Основная же часть провинциального российского помещного дворянства дореформенной эпохи была далека от таких установок. В то же время многие помещики с большим уважением относились к традициям общины, нередко разделяя с крестьянским «миром» судебную и административную власть и даже используя обычаи конкретных общин для рационализации управления имением.

Медленно, но неуклонно развивались в крепостную эпоху и консолидирующие социокультурные тенденции: помещиков и крестьян крепкими узами объединяли язык, православная вера, сельские обычаи и традиции, а также осознание (зачастую интуитивное) общности исторической и национальной судьбы.

Даже утопические представления при этом нередко были общими, включая надежды (зачастую, впрочем, весьма иллюзорные) и на помощь монарха и прочих «власть предержащих» в решении насущных хозяйственных и социокультурных проблем, и на роль пассионарного, мудрого и справедливого помещика в деревне. Так, известный рационализатор и просветитель В. Н. Каразин, ещё в 1795 г. устроивший в своём имении Кручик Харьковской губернии «сельскую думу» из крепостных крестьян (получивших от него за оброк земли в наследственное владение), ведавшую административными и судебными делами, наивно полагал, что помещик должен быть «наследственным чиновником», которому правительство доверило бы и землю для крестьян, и «попечение» о них. Таким образом, дворянин превращался не только в «природного покровителя» и «гражданского судью» сельских жителей, но и в ключевую фигуру посредника между ними и верховной властью в лице правительства, а также «попечителя» о сиротах и неимущих, мудрого наставника (Абрамов, 1891, с. 46).

Разумеется, это была явная утопия, так и не реализованная на практике в широких масштабах. Вместе с тем В. Н. Каразин, выдающийся просветитель начала XIX в. (чьё имя носит в настоящее время Харьковский национальный университет), внёс огромный вклад в решение ряда хозяйственных и социокультурных проблем: так, он организовал на свои личные средства «филотехническое общество», которое успешно действовало на значительной территории с 1811 г. по 1818 г., благополучно внедряя передовые аграрные технологии.

Отметим также интересную инициативу другого харьковского помещика, известного рационализатора крепостной эпохи Н. С. Стремоухова, который не только первым в Малороссии ввёл многопольное хозяйство с травосеянием, но и организовал с 1824 г. в с. Миловидове Сумского уезда Харьковской губернии первую в Российской империи женскую крестьянскую школу. Этот незаурядный новатор первым в стране предпринял попытку практического использования традиций артельного коллективизма для развития сельского хозяйства. В 1829 г. он выдвинул смелый проект восстановления старинного «сошного устройства», основанного на «общности земель», «взаимном надзоре» и своевременной уплате податей, используя при этом исторические материалы XVII в. (Сошный лист 1685 г.). Что же касается собственного имения, то он ввёл в нём особый, уникальный способ организации трудовых работ («общественное», или «соединённое» хозяйство), подробно описав его на страницах «Земледельческого журнала» (Стремоухов, 1829).

Таким образом, утопические проекты дореформенной эпохи порою причудливо сочетались с конкретными хозяйственными и просветительскими начинаниями. Добавим, что в имении Стремоухова крестьянские дети

«женского пола» обучались чтению, письму, Закону Божьему, арифметике, нотному и духовному пению, а также различным «рукоделиям». Все женщины-крестьянки имения в возрасте от 10 до 30 лет были грамотными – уникальное явление для помещичьих имений дореформенной эпохи! С 1835 г. помещик ввёл обучение по той же программе и для крестьянских мальчиков. При этом он осуществлял полное финансирование школы; помощь со стороны государства отсутствовала. Деятельность школы получила заметный общественный резонанс, а сама идея необходимости женского крестьянского образования была обоснована и популяризирована.

Постепенно таких новаторов-подвижников, как В. Н. Каразин и Н. С. Стремоухов, становилось всё больше. С 1820 г. они объединились в Императорском Московском обществе сельского хозяйства, которое вплоть до своей ликвидации в 1930 г. провело огромную хозяйственно-просветительскую работу. Это был реальный и эффективный путь своеобразного «очищения» традиционного российского аграрного патернализма от утопических иллюзий, превращения его в действенное средство решения ключевых хозяйственных и социокультурных проблем аграрной России (Козлов, 2020b, с. 5-182). При этом на передний план выходили традиции гуманизма и эмпатии, крайне важные в условиях начавшихся на рубеже XIX-XX вв. разрушительных для державы, общества и личности деструктивных процессов. Необходимо было консолидировать все здоровые и пассионарные группы общества, что вполне позволяла сделать начавшаяся в 1906 г. столыпинская аграрная модернизация.

Выделим также особую культуртрегерскую роль помещиков-дворян. Позже, уже в 1923 г., М. С. Цветаева отмечала: «Настоящее помещичество – сотворчество, сподвижничество...».

Отметим и позитивные моменты, связанные с подъёмом русской национальной культуры в начале XX в., включая обращение её творцов к идеальному миру Природы, – тенденции, тесно связанной со светлой, но в основе своей, возможно, утопичной мечтой о Гармонии и вневременными категориями Вечности (Демченко, 2021a).

Однако ни самодержавные власти, ни позже большевистское руководство так и не сумели по достоинству оценить эти начинания, а главное, придать им общегосударственный характер, объединив тем самым социум на основе творческого созидательного труда. В итоге был упущен реальный шанс на хозяйственный и социокультурный подъём страны.

Отмеченная выше хозяйственная тенденция, сопровождавшаяся во второй половине XIX – начале XX в. неуклонной эволюцией России по буржуазному пути, во многом повлияла и на аграрный утопизм как крестьян, так и помещиков. После отмены крепостничества традиции сельского патернализма ослабли; нарушились ранее крепкие духовно-эмоциональные и психологические связи между крестьянами и помещиками (многие из последних разорились и оставили свои усадебные «семейные гнёзда»); одновременно резко усилилась кулацкая кабала (чаще всего ростовщическая): зажиточные крестьяне быстро захватили «бразды правления» в органах волостного самоуправления. Разумеется, все эти факторы резко ослабили и утопические иллюзии крестьянства. В дальнейшем, уже в эпоху столыпинских аграрных реформ, утопию постепенно вытесняют ставшие, казалось бы, вполне реальными надежды наиболее инициативных, пассионарных сельских тружеников на лучшую жизнь. Однако Первая мировая война помешала эти надежды реализовать.

В огромном корпусе современной научной литературы, освещающей тему утопии, явно преобладают исследования, посвящённые утопиям литературным. Между тем утопические идеи активно проявляли себя и в сфере экономической жизни, хозяйственной ментальности. Для начала XX в. это было весьма характерным явлением. В этот период значительная часть русской интеллигенции переходит на сторону оппозиции, воспевая и «героизируя» декадентские и маргинальные качества личности и образ жизни. Фактически это означало отказ от созидательной деятельности на благо страны в контексте буржуазной модернизации, начавшейся в эти годы.

Отрицание национальных традиций (включая православие), агрессивная пропаганда в социуме оппозиционных идей и настроений в качестве «прогрессивных» и единственно верных – всё это, на наш взгляд, было ещё одной фатально-грандиозной социокультурной и общественно-политической утопией. Будучи по своей природе основанной не на традиционном патернализме, она тем не менее исподволь готовила новый, ещё невиданный в истории революционный патернализм: вначале – патернализм партии большевиков, в дальнейшем – Ленина и Сталина. Проводниками этих глубоко утопичных идей, враждебных национальным культурным традициям, стали многие интеллигенты начала XX в., настроенные враждебно против «производителей» – подлинных творцов материальных благ: предпринимателей, инициативных крестьян (стремившихся вырваться из давящих уз общины) и др. Зачастую эти зачинатели грядущей революционной бури группировались в рядах не только педагогов, юристов, врачей, но также в чиновничье-бюрократической и земской среде. Неудивительно, что характерным элементом утопии, присущей этим людям, стало отождествление крестьянина-производителя с «кулаком», предпринимателя – с «гнусным эксплуататором» и т. п. В её основу была положена порочная идея, согласно которой только представители «трудовых классов» в лице рабочих и крестьян составляли «народ». В итоге утопия, быстро овладевшая значительной частью интеллигенции и базировавшаяся на антитезе «прогресс – реакция» (во многом надуманной), уводила общество в сторону от созидательного, творческого труда; раскалывала его изнутри.

Отдельно необходимо упомянуть утопические идеи Л. Н. Толстого – убеждённого патерналиста, постоянно помогавшего яснополянским крестьянам. С одной стороны, его идейные начинания способствовали «духовному пробуждению» многих пассионарных личностей, получивших мощный импульс нравственного обновления; с другой – вошли в глубокое противоречие с нуждами страны и проводимой в начале XX в. буржуазной модернизацией. Утопизм взглядов великого писателя и мыслителя прежде всего проявился в идеализации им (в духе Ж.-Ж. Руссо) «трудового существования» крестьянства. Л. Н. Толстой наивно полагал, что земельный

вопрос в России можно было решить, реализуя идеи американского реформатора Г. Джорджа. Однако утопичность этого проекта (сходного с основными постулатами современных антиглобалистов) неоднократно была доказана учёными, причём уже в начале XX в.

Примечательно, что даже в своём яснополянском имении решить «земельный вопрос» Толстому так и не удалось. По его совету дочь писателя Т. Л. Толстая сдала всю пахотную и покосную землю в с. Овсянниково «в пользование» двух крестьянских обществ, однако вскоре крестьяне не только перестали платить арендную плату, но стали спекулировать землёй (полученной даром), сдавая её за плату соседям. Таким образом, утопичный толстовский «демократизм» вынужден был уступить суровой деревенской реальности – безудержному стремлению обогатиться за счёт других. В этом наглядно проявилась позже отмеченная Г. Гессе «гениальная противоречивость» Толстого. Оказались глубоко утопичными (точнее, преждевременными) и призывы великого мыслителя к самоограничению, которое, по его мнению, могло принести «подлинную свободу» не только России, но и всему миру. Здесь, как нам представляется, Л. Н. Толстой был во многом прав (с учётом проблем современного «общества потребления», прежде всего экологических и духовно-нравственных), – однако до осознания значимости этого духовного завета массовым сознанием и в наши дни ещё очень далеко...

Что же касается крестьянской среды (в основном разделявшей идеи традиционного патернализма), то и в ней в начале XX в. ярко проявлялись элементы Утопии, причём двоякого рода: с одной стороны, светло-наивных грёз о «лучшем будущем» (зачастую без ненавистных «бар»-помещиков); с другой стороны, – утопии крайне агрессивной, в которой отсутствовало понятие о праве частной собственности на природные ресурсы и, напротив, имела место круговая общинная порука насилия и воровства, особенно по отношению к «чужакам». В этой «тёмной» Утопии политические и социальные мотивы долгое время находились на периферии. Именно она, однако, и стала основой очередной «Русской Смуты» 1917-1921 гг., уничтожившей прежнюю Россию.

Имело место, однако, и третье воплощение Утопии – в контексте мистицизма и эзотерики (что, по мнению А. А. Ровнера, во многом сформировало загадочный феномен практически одновременного возникновения ряда новых течений в музыкальном творчестве начала XX в.), но при этом (что гораздо важнее) – как отражение вечного преобразования человеческого духа и всеединства мироздания в русле русского модернизма рубежа XIX-XX столетий (Макарова, 2021).

Сразу же после Февральской революции 1917 г. «тёмная» Утопия, которую сознательно поддерживали революционеры-радикалы (прежде всего большевики и эсеры) и в которой нашла яркое отражение проникнутая леворадикальными мессианскими идеями установка на синтез искусств (Луговая, 2017), одержала победу. На передний план выходят характерные для «рабоче-крестьянской» утопии первых лет советской власти чувства «социального реванша»; стремление не только подчинить себе грозные стихии природы, но и физически уничтожить «классовых врагов».

Так, в 1920 г. А. П. Платонов (в будущем – выдающийся мастер отечественной словесности) подчёркивал: «Ненависть – душа революции. До революции над человеком имели страшную власть им же созданные зыбкие образы – бог и его отпечатки на земле среди людей – цари и богатые. Их первыми подверг человек гневу и уничтожению. За ними подвергнется истреблению от человеческой руки природа. Потому что если не уничтожим её, то она уничтожит нас. Всё, что бы мы ни делали, мы делаем во имя себя. Мы уверенно знаем, что мы самое важное на земле» (Платонов А. П. О нашей религии. 1920. <http://platonov-ar.ru/publ/o-nashey-religii>).

Что же касается Природы, то она рассматривалась прежде всего как **враждебная** стихийная сила: «Природа ведёт наступление на Россию. Природа – белогвардеец. Да здравствует Земчека – кулак, штык и машина человека-революционера против природы, не вмещающей человека, против рассвирепевших, сбесившихся, нахлынувших на нас стихий зноя!» (Платонов А. П. Земчека (Чёрный Реввоенсовет). 1922. <http://platonov-ar.ru/publ/zemcheka>).

Впоследствии, однако, писателю (по мнению С. С. Неретиной, воплотившему саму идею Утопии как **свободомыслие**) удалось эти агрессивно-утопические (но одновременно, парадоксальным образом, также лучезарно-романтические) идеи творчески преобразовать, – отчего мы и знаем его сегодня не только как создателя уникального, завораживающе-«катарсического» литературного языка, выходящего далеко за рамки созданной им же «реалистической фантазмагии» (С. А. Никольский), но и как великого гуманиста XX в. (Заваркина, Храмых, 2017; Никулин, 2018).

«Пирровой победой» оказался кратковременный приход к власти либералов после февраля 1917 г.: именно утопизм выдвинутых ими в угоду огромной маргинальной массе крестьян планов аграрной реформы не позволил добиться успеха, да и сама деревня уже твёрдо нацелилась на полный (а главное, безвозмездный!) захват помещичьих земель и хозяйственного инвентаря.

Добавим, что вплоть до второй половины 1920-х гг. утопия занимала заметное место в социокультурной жизни Советской России, но её внутренняя трансформация оказалась кардинальной: на передний план вышли элементы «революционной маргинальности», во многом связанные с надеждами «трудовых слоёв» деревни и города, а также советской интеллигенции с рядом «попутчиков» на торжество «светлого будущего» (Плят В. Сказ дядюшки Пахома о том, как беднота помогла Москве. М.: Издание Крестьянского Отдела ВЦИК Советов, 1918; Булдаков, 2012). Однако в условиях временно победившей охлократии, снижения уровня культуры в обстановке очередной «Русской Смуты» и Гражданской войны, а затем формирования авторитарной командно-административной системы массовое сознание подавляющей части населения было уже крайне далеко от установок прежнего патернализма. Что же касается крестьянства, то оно, как уже нами отмечалось, выступило не за реализацию утопических

эсеровских идей о «социализации» земли, а за её большевистскую «национализацию», которая в итоге свелась в 1917-1918 гг. к уравнительному перераспределению земель, разграблению помещичьих имений и уничтожению большей части уникального наследия русской усадебной культуры. Усилия же либералов, объединившихся в мае 1917 г. в «Лигу русской культуры», были ещё более утопичны, потерпев быстрый крах.

Заслуживает серьёзного внимания вывод В. А. Чаликовой, без которого трудно понять и ключевые особенности утопической большевистской идеологии и Пролеткульта 1920-х гг., и сущность эволюции тоталитарных режимов XX в.: «Утопия в ходе революции выродилась в прагматизм» (1991, с. 210). Не случайно, по свидетельству ряда современников, уже в 1920-х гг. многие «красные» и «ленинские» уголки (созданные в угоду победившей революционной мифологии) фактически превратились в жалкое подобие традиционного православного алтаря с божницей! «Бескомпромиссный рационализм» (Ф. А. Степун) убогой большевистской идеологии «классового поравнения» стал вполне очевиден, а отрицание иррациональных начал человеческой души и богатейшего культурного наследия человечества обернулось псевдоутопией «марксизма-ленинизма»; духовно-сакральным вакуумом, образовавшимся в условиях беспрецедентного в истории богоборческого давления на православие.

Проигравшими в итоге оказались и сами крестьяне: их надеждам на «справедливость» новой власти (тоже утопичным) не суждено было сбыться. Прежде всего крестьянство было разочаровано хозяйственными результатами «Русской Смуты»: «бесплатная прибавка» земли (на которую оно надеялось) оказалась ничтожной и не превышала 2/5 десятины на душу; при этом, по сведениям И. А. Ильина (1929), у зажиточных (наиболее работоспособных) крестьян было «безвозмездно обобществлено» до 50 млн десятины земли (для сравнения: помещики потеряли около 40 млн десятины). Кроме того, в результате «революционной инфляции» крестьяне утратили все свои многолетние сбережения.

Свобода, лишённая экономической самостоятельности, ясно предстала как *вымысел большевизма*, а страна победившей «крестьянской утопии» (о которой грезил А. В. Чаынов в своей известной повести-утопии 1920 г.) оказалась мифом... Гениальный учёный XX в. К. Э. Циолковский ещё в 1917 г. прозорливо предупреждал: «Долго, долго ещё будет господствовать капитализм и собственность. Нельзя ломать жизнь, а надо переделывать её понемногу, без мук – силою убеждения. Сразу это невозможно. Понадобятся века. Исторически мы в этом убеждаемся» (2010, с. 26).

Показательно, что суровая советская действительность быстро внесла коррективы и в романтическо-утопический идеализм А. П. Платонова: его большевистский патернализм (безоговорочная вера в партию большевиков) рухнул уже в 1921 г., когда РКП(б) не только не смогла помочь миллионам умирающих от голода людей, но и цинично использовала эту ситуацию как предлог для расправы над православной церковью, фактически ограбив её, конфисковав огромные ценности. Сам же Платонов, подвергнув критике явления, ярко проявившиеся в органах советской власти (в т. ч. «организационную слякоть» и бездушное «бюрократическое кольцо»), в том же году вышел из партии.

Потерпели крах и утопические надежды «новокрестьянских» поэтов: С. А. Есенина, Н. А. Клюева, С. А. Клычкова и других (многие из которых в 1937 г. были репрессированы; всего же жертвами репрессий в советское время стало около двух тысяч литераторов, полторы тысячи из них погибли в тюрьмах и лагерях). Между тем в их работах, наряду с другими сюжетами, нашли отражение характерные установки «светлой» (основанной на православной традиции и отвергающей агрессию) общекрестьянской утопии начала XX в., в т. ч. связанные с отторжением стремительно наступающей на деревню бездушной технократической цивилизации, воплощённой в собирательном образе «железной России». Так, выдающийся поэт Н. А. Клюев (до 1920 г. являвшийся членом РКП(б) и вышедший из партии, не захотев отказаться от религиозных убеждений), познакомившись в 1929 г. с итальянским славистом Этторе Ло Гатто, написал ему – от лица всей великой и «неприкасаемой» сельской России – на подаренной книге своих стихов о «волчьем вое» оказавшихся ненужными властям «родимых изб» и замолкнувших «гробах отцов», безжалостно брошенных на «смрадных свалках» (Михайлов, 1992, с. 146). И это была отнюдь не творческая гипербола, а констатация трагически-суровой реальности огромной крестьянской страны, ставшей жертвой грандиозного социального эксперимента. Проиграла от победы советской Утопии и сама Природа: бездумное «выкачивание природных ресурсов» (Н. С. Цинцадзе) обернулось нарастающим масштабным обострением экологических проблем.

Что же касается интеллигенции в целом, то в 1920-х гг. наиболее глубоко чувствующие «нерв эпохи» её представители, уставшие от «интернационализма», всё чаще приходили к выводу: необходимо твёрдо отказаться от «утопических увлечений» (так дорого обошедшихся стране), трезво взглянуть на революцию как на «нравственное помрачение» (И. А. Ильин) русской души и обратить свои силы на подъём национального самосознания. Вспомним здесь и великого учёного И. П. Павлова, с первых же месяцев большевистского правления разоблачавшего утопичность и ошибочность самой идеи «диктатуры пролетариата».

Почему же именно Утопия во многом стала основой как идеологии, так и социокультурной практики большевистской России? На наш взгляд, ответ во многом заключается в диалектическом соотношении Утопии и Традиции. Если Традиция (прежде всего крестьянская) в России, в первую очередь, являлась олицетворением Устоев (семейных (Циткилов, 2018), общинных и прочих), то Утопия для крестьянства в основном ассоциировалась с бунтарской «волей» (de facto с хаосом и грабежом), что ярко показали события в деревне 1917-1918 гг. Угасает Традиция – на смену ей приходит Утопия. Однако решающим фактором стали лишения и утраты Первой мировой войны: представители всех сословий (и прежде всего русского крестьянства) не сумели достойно перенести военные бедствия, что в значительной степени и предопределило глубочайший ментальный и социокультурный кризис всей огромной евразийской державы. Утратив – в массе своей – и православную

веру, и монархизм как духовную основу, крестьяне вновь, как и накануне столыпинских реформ, объединились в своих локальных общинах; их сблизило единство целей – захват и грабёж помещичьих земель, имущества и инвентаря дворян. Это стало трагическим воплощением крестьянской утопии начала XX в. – «жить, как господ», не приложив для этого своего труда. Отмеченная тенденция нашла отражение во множестве источников периода очередной «Русской Смуты» 1917–1921 гг.

«Масса крестьянства до сих пор заражена... своеобразным односторонним большевизмом, особенно молодёжь в возрасте от 20 до 35 лет, – отмечал в своём дневнике 14 января 1920 г. историк С. Б. Веселовский. – Им пришлось очень по душе коммунизм применительно к чужой собственности, но когда дело касается их самих и их собственности, то они даже не думают скрывать, что они чёрствые и близоруко-эгоистические собственники. Подлинная мораль дикарей: добро – это если я украду или ограблю кого-нибудь, а зло – если меня обокрадут или ограбят» (2000, с. 116).

Впоследствии выдающийся русский художник К. А. Коровин вспоминал об этом времени: «Вечером зашли ко мне крестьяне-приятели, охотники, и заявили:

– Мы знаем, что это господа всё делают, нас за озорство учат...

– Вот бабушка революция всё нам обещала отдать, – говорил один. – И товар, и лес, чтобы мы сами торговали, а не купцы. А вот её боле нет и нам ничего нет. ...А говорили – “подымайся, всё получите, как господа в спинжаках ходить будете, сапоги, галоши дарма”... А теперь ничего нету.

Странно было слушать это, и как я ни старался объяснить, они не понимали.

У них сидело там, внутри глубоко – галоши, спинжаки, чай и сахар дарма и жажда новой жизни: чтобы ничего не делать и быть, как господа» (1990, с. 105).

Эти маргинальные настроения – с акцентом на «тёмную» Утопию – были присущи и одетым в солдатские шинели крестьянам: так, солдаты московского гарнизона в феврале 1917 г. заявляли, «что им теперь такое житьё, о котором они и мечтать не могли никогда. Только дежурные остаются в казармах, а остальные целый день гуляют! Только чтоб в казармах быть в 8 часов, а то ни работы, ни учения! Что хочешь, то и делай» (Из воспоминаний княжны Н. П. Грузинской «Записки контрреволюционерки». 21.06.1920. <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/71773>).

В современной научной литературе отмечается: «Зависть крестьян и рабочих к господской жизни несомненна, связанная с ней ненависть к усадьбам и их владельцам, безжалостное уничтожение их сокровищ – библиотек, произведений искусства, построек – это печальный, но знаменательный и поучительный факт русской истории» (Нащокина, 2014, с. 32). Этот момент, однако, понимали культуртрегеры более раннего периода: так, кн. С. А. Щербатов подчёркивал необратимые последствия разрушения русской усадебной культуры для национальной ментальности: «Исчезает чувство важной ответственности пред красотой и сознание вины пред уродством, как некоем преступлении пред тем, что веками почиталось за серьёзное, ответственное и святое дело. Отмирает пиетет к художественному созданию и любовь, в него вкладываемая...» (Цит. по: Нащокина, 2014, с. 35). Добавим, что и для новой, уже советской Утопии (во всех её ипостасях) это стало серьёзной потерей...

Крайне негативно – прежде всего как страшное бедствие для страны, общества и личности – восприняли советскую Утопию И. А. Бунин, Н. Я. Мясковский, С. В. Рахманинов, Ф. И. Шаляпин, М. М. Пришвин, Н. К. Метнер и многие другие деятели русской культуры. Они, как правило, быстро распознали в ней демонически-разрушительные начала. Были, однако, и другие причины отторжения большевистского утопического проекта. Так, по свидетельству легендарного скрипача Н. М. Мильштейна, и Шаляпина, и Рахманинова «революция в России лишила значительных состояний». Итог был очевиден: «На Западе им пришлось начинать заново, почти с нуля. Они и здесь, будучи великими артистами, достигли финансового благополучия. И вовсе не были намерены его терять в какой-то новой революции» (Мильштейн, Волков, 1998). См. также работу (Бабенко, 2017).

Но не менее важной была ещё одна причина их антибольшевизма: «...оба они были чрезвычайно независимы – и в своём творчестве, и по характеру. Ни один из них не потерпел бы вмешательства государства в свои художественные дела» (Мильштейн, Волков, 1998). Р. К. Щедрин позже отмечал: «У тоталитарной власти есть тысячи возможностей безо всякого шума... расправиться с каждым, кто не мил. ...а с творческим человеком и того легче» (2008, с. 141).

И Рахманинов, и Шаляпин убедились на собственном примере, что «революция – это грабёж личной судьбы человека» (М. М. Пришвин), отсюда – и их активное неприятие большевистской утопии с её «классовым подходом»; понимание, что главное – «забота о внутреннем строе человеческой души» (С. Л. Франк)...

Заключение

Тема «сталинского патернализма» и тесно связанных с ним утопий (в частности, как отмечает Н. А. Хренов, «подводя под идею социализма имперскую основу, Сталин из подсознания массы выводил консервативную или средневековую утопию» (2015, с. 176)) требует специального научного анализа. Отметим лишь, что, невзирая на все невзгоды, в душах многих русских интеллигентов ещё долгое время жили глубоко утопические надежды на лучшее будущее для страны, – надежды, которые окончательно развеялись лишь после массовых репрессий 1937 г. Но это были всё же гуманистические «осколки утопии» (которые в XX в. гораздо успешнее сохранила культура русской эмиграции первой волны), в отличие от утопии большевистской, которой оказалось подвержено и молодое поколение страны, «перепутавшее» утопию с идеологией (Булдаков, 2012, с. 720) и «заражённое» идеями

«утопического энтузиазма» (М. Д. Стейнберг) – явления, оказавшегося продуктивным для технико-технологической модернизации готовящейся к схватке с фашизмом страны, но губительного для «аксиологии души»...

Таким образом, светлые надежды А. П. Платонова, понимавшего человека как «образ грядущего», так и не воплотились в жизнь: наступила эпоха «безбожно-безличной» (И. А. Ильин) культуры с диктатурой «классово-пролетарского» начала и «рудиментарной совестью» (Г. П. Федотов) у подавляющего большинства жизнерадостных представителей нового поколения – главных субъектов воздействия утопии Пролеткульта, зачастую даже не знающих о потрясающе разнообразном культурном наследии России, которого они лишились (Макарова, 2016, с. 48).

«По всей линии торжествовали взгляды... сводившиеся к тому, что кроме пролетариата никто не имеет никаких оснований существовать... – вспоминал впоследствии о социально-психологическом климате первых послереволюционных лет Ф. И. Шалапин. – И этот дух проникал во все поры жизни, составлял самую суть советского режима... Это он убивал и замораживал ум, опустошал сердце и вселял в душу отчаяние» (1988, с. 202).

«Большой утопией», по мнению П. Б. Струве, стала и ориентация большевиков на замену «хозяйственного сплетения» отдельных усилий пассионариев-новаторов авторитарным управлением производством: хозяйствование в итоге деградировало в механическое руководство (Херрманн-Пилатт, 2018, с. 8-15).

Попытки же ряда современных учёных оправдать подобную политику тем, что вожди революции якобы не успевали в первые годы после неё продуктивно заботиться о сохранении традиционного культурного наследия, представляются неубедительными. Приведём лишь несколько весьма красноречивых примеров подобной «заботы». Так, летом 1921 г. крестьян Московской и других губерний по личной инициативе В. И. Ленина премировали за сдачу 100% хлебного налога не чем иным, как... уникальными ценностями Гохрана! Характерно, что именно из расхищенного большевиками церковного серебра чеканили монету в период денежной реформы 1922-1924 гг. Массовая распродажа иностранцам национальных культурных сокровищ достигла своего пика в 1920-1923 и 1928-1934 гг. В результате из Государственного Эрмитажа и других крупнейших музеев «ушли» за границу тысячи уникальных работ (включая шедевры Рафаэля, Рубенса и Тициана); тем самым было совершено циничное ограбление национальных кладовых. Так, по воспоминаниям композитора, дирижёра и педагога Н. И. Пейко, Н. Я. Мясковский размышлял о том, что «большевики вынуждены были собирать и укреплять то, что поначалу продавали направо и налево как чужое и никчёмное **интернациональное** имущество...» (Цит. по: Абдоков, 2021, с. 101).

Но главным всё же стало ограбление Духа: утрата (в существе – насильственная) ключевых основ православной аксиологии, включая и гуманистические элементы отечественного аграрного патернализма.

Источники | References

1. Абдоков Ю. Б. Николай Мясковский: «Да не смущается сердце твоё..». Жизнь как высвобождающееся призвание // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 5 «Вопросы истории и теории христианского искусства». 2021. № 42.
2. Абрамов Я. В. Василий Каразин (основатель Харьковского университета): его жизнь и общественная деятельность. СПб.: Общественная польза, 1891.
3. Акульшин П. В. Болотов Андрей Тимофеевич // Экономическая история России (с древнейших времён до 1917 г.): энциклопедия: в 2-х т. / отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2008. Т. I.
4. Бабенко О. В. 1917 год в воспоминаниях С. В. Рахманинова и Ф. И. Шалапина // История и археология: мат. IV междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2017 г.). СПб., 2017.
5. Боханов А. Н. Самодержавие. Идея царской власти. М.: Русское слово, 2002.
6. Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920-1930. М.: РОССПЭН, 2012.
7. Веселовский С. Б. Дневники 1915-1923, 1944 гг. // Вопросы истории. 2000. № 9.
8. Демченко А. И. Музыкальное искусство России начала XX века: полюсы // Манускрипт. 2021а. Т. 14. Вып. 10.
9. Демченко А. И. «Это было раненое сердце..»: к 200-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. Очерк первый // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021b. Т. 14. Вып. 11.
10. Демченко А. И. «Это было раненое сердце..»: к 200-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. Очерк второй // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021с. Т. 14. Вып. 12.
11. Ермоленко Т. Ф. Патернализм в России: культурологический анализ: дисс.. д. филос. н. Ростов н/Д, 2000.
12. Заваркина М., Храмых А. Социалистическая утопия в творчестве А. П. Платонова // Новое литературное обозрение. 2017. № 5.
13. Ильин И. А. Что дала революция русскому крестьянину? // Русский колокол. 1929. № 8.
14. Каспэ И. В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
15. Козлов С. А. Российский аграрный патернализм второй половины XVIII – первой половины XIX вв.: исторический и социокультурный опыт // Проблемы российской истории: научный ежегодник. М. – Магнитогорск, 2010. Вып. X.
16. Козлов С. А. «Служение интересам всей страны»: Московское общество сельского хозяйства (1820-1930 гг.): в 3-х т. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020а. Т. 1.

17. Козлов С. А. «Служение интересам всей страны»: Московское общество сельского хозяйства (1820-1930 гг.): в 3-х т. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020b. Т. 3.
18. Коровин К. В деревне // Наше наследие. 1990. № II (14).
19. Луговая Е. К. Синтез искусств как эстетическая утопия революции // Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой. 2017. № 4 (51).
20. Макарова С. А. Музыкальная утопия А. Н. Скрябина: путь к «Мистерии» // Феномен утопии в общественном сознании и культуре: сб. науч. тр. М., 2021.
21. Макарова С. А. Устное народно-песенное творчество: к проблеме интермедиальности и житнетворчества русского стиха // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9-1 (63).
22. Мильштейн Н., Волков С. Рахманинов, каким я его знал // Знамя. 1998. № 11. <https://magazines.gorky.media/znamia/1998/11/rahmaninov-kakim-ya-ego-znal.html?ysclid=lcxk87pz5e992558481>
23. Михайлов А. И. От поэзии «избяного космоса» к письмам из Сибири (письма Николая Клюева к Н. Ф. Христофоровой-Садомовой из Томска) // Наш современник. 1992. № 5.
24. Нащокина М. Русская усадьба Серебряного века как феномен национальной культуры // Наше наследие. 2014. № 109.
25. Никулин А. М. Грёзы Русской революции в утопиях Александра Чаянова и Андрея Платонова // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 3.
26. Павлова О. А. Русская литературная утопия 1900-1920-х гг. в контексте отечественной культуры: дисс. д. Филол. н. Волгоград, 2006.
27. Пономарева Г. М. Утопия и утопическое сознание в контексте русской культуры XIX – начала XX в.: дисс. д. филос. н. М., 1996.
28. Приказчикова Е. Е. Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе русского Просвещения: дисс. д. филос. н. Екатеринбург, 2010.
29. Стремouxов Н. Мысли о возможности улучшения сельского хозяйства в России, основанные на природе человеческой и на древних российских обычаях // Земледельческий журнал. 1829. № 25. Отд. 1.
30. Феномен утопии в общественном сознании и культуре: сб. науч. тр. / ИНИОН РАН; ред.-сост. С. А. Гудимова. М.: ИНИОН РАН, 2021.
31. Херрманн-Пилатт Х. Блокада модернизации. Утопические революции собственности в России, 1917-2017 / пер. с нем. // Интернет-дайджест «Телескоп». Зарубежные экономисты о российской экономике. 2018. Вып. 1.
32. Хренов Н. А. Утопический комплекс русского искусства первой половины XX в.: от авангарда к византийской традиции // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 1.
33. Циолковский К. Э. Идеальный строй жизни // Циолковский К. Э. Миражи будущего общественного устройства. М., 2010.
34. Циткилов П. Я. Российская семья от древних истоков к имперской модернизации: историко-социологический облик. Ростов н/Д – Таганрог: ЮФУ, 2018.
35. Чаликова В. А. Идеологии не нужны идеалисты // Завтра: фантастический альманах. М., 1991. Вып. 2.
36. Чаликова В. А. Утопия и свобода: эссе разных лет. М.: Весть, 1994.
37. Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. М.: Наука, 1967.
38. Шаляпин Ф. И. Маска и душа. Мои сорок лет на театрах. Главы из книги // Новый мир. 1988. № 5.
39. Щедрин Р. К. Автобиографические записи. М.: АСТ, 2008.

Информация об авторах | Author information

Козлов Сергей Алексеевич¹, д. ист. н.
¹ г. Москва

Kozlov Sergey Alekseevich¹, Dr
¹ Moscow

¹ sa-kozlov@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 07.08.2023; опубликовано online (published online): 26.09.2023.

Ключевые слова (keywords): взаимосвязь утопии и патернализма; история аграрной Россия; аграрный утопизм; советская утопия; relationship between utopia and paternalism; history of agrarian Russia; agrarian utopianism; Soviet utopia.